

DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-17-26
УДК 336.225.4:330.342.146.8(045)
JEL H23, Q58, H61, O44

Экологическое налогообложение в России: фискальная эффективность и стимулирующий потенциал в контексте «зелёной» трансформации экономики

М.Е. Косов^а, А.А. Рябченко^б

^а Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация;

^б Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — экологическое налогообложение в Российской Федерации как инструмент фискальной политики и стимулятор «зелёной» трансформации экономики. **Цель** работы — выявление системных недостатков действующей модели экологических платежей и разработка научно обоснованных предложений по её реформированию с учётом международного опыта и российской специфики. В **результате** исследования систематизированы механизмы экологического налогообложения и выявлены его системные диспропорции: фискальная доминанта, нецелевое использование средств, фрагментарный охват источников загрязнения и отсутствие национальной «зелёной» таксономии. На основе анализа несоответствия текущей системы принципам «загрязнитель платит» и гипотезе «двойного дивиденда» обоснована необходимость институционализации самостоятельного экологического налога, формирования целевых фондов и гармонизации фискальной политики с парадигмой «зелёного» роста. Аргументирована целесообразность перехода к национально-ориентированной, внешне совместимой модели экологического регулирования, учитывающей санкционные ограничения, задачи технологического суверенитета и природно-климатическую специфику России. Сделан **вывод** о целесообразности реализации предложенной дорожной карты на 2026–2028 гг., направленной на повышение фискальной эффективности, стимулирование внедрения наилучших доступных технологий и обеспечение устойчивого развития в контексте национальных целей до 2030 г.

Ключевые слова: налог; экологическое налогообложение; «зелёная» экономика; экологический налог; фискальная политика; устойчивое развитие; целевые экологические фонды; дорожная карта

Для цитирования: Косов М.Е., Рябченко А.А. Экологическое налогообложение в России: фискальная эффективность и стимулирующий потенциал в контексте «зелёной» трансформации экономики. *Экономика. Налоги. Право.* 2026;19(4):17–26. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-17-26

ORIGINAL PAPER

Environmental Taxes in Russia: Fiscal Efficiency and Incentive Potential in the Green Economic Transitions

М.Е. Kosov^а, А.А. Ryabchenko^б

^а Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation;

^б Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The **subject** of this research is environmental taxes in the Russian Federation. The study will analyze their role in fiscal policy and as a driver for green economic transitions. The **aim** is to pinpoint flaws in the current environmental charge system and create data-driven reform proposals, factoring in global and Russian contexts. As a **result**, the mechanisms of environmental taxation have been systematized and its systemic imbalances have been identified: a fiscal dominant, misallocation of funds, fragmented coverage of pollution sources, and the absence of a national green taxonomy. Based on the analysis of the current system's inconsistency with the «polluter pays» principle and the «double dividend» hypothesis, the study substantiates the need for the institutionalization of an independent environmental tax, the formation of targeted funds, and the harmonization of fiscal policy with the «green» growth paradigm. The article argues for the need to switch to a nationally oriented, externally compatible model of environmental regulation that takes into

© Косов М.Е., Рябченко А.А., 2026

account sanctions restrictions, the objectives of technological sovereignty, and Russia's natural and climatic conditions. The study **concludes** that the 2026–2028 roadmap is achievable, designed to boost financial effectiveness, encourage the use of leading technologies, and support sustainable progress aligned with national objectives up to 2030.

Keywords: tax; environmental taxation; green economy; environmental tax; fiscal policy; sustainable development; targeted environmental funds; roadmap

For citation: Kosov M.E., Ryabchenko A.A. Environmental taxes in Russia: Fiscal efficiency and incentive potential in the green economic transitions. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(4):17-26. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-4-17-26

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе экологические приоритеты стали неотъемлемой частью фискальной политики. Для России, экономика которой структурно зависит от углеродоёмких отраслей, реформа экологических платежей — это не дань глобальной повестке, а насущная экономическая необходимость. Современная система (НВОС, утилизационный и экосборы) работает преимущественно как фискальный инструмент, практически не стимулируя бизнес к снижению вреда. Средства растворяются в общем бюджете без целевого назначения, ставки не отражают реальный экологический ущерб, а принцип «загрязнитель платит» де-факто превратился в формальную «лицензию на загрязнение».

Необходимость реформы обусловлена как внутренними вызовами — необходимостью достижения национальных целей устойчивого развития до 2030 г., повышения технологического суверенитета и стимулирования внедрения наилучших доступных технологий, так и внешними рисками, связанными с изоляцией от международных климатических инициатив и ростом «зелёных» торговых барьеров, таких как пограничный корректирующий углеродный механизм (СВАМ) ЕС. В этих условиях требуется переход к национально ориентированной, но внешне совместимой модели экологического регулирования, основанной на научно обоснованной дорожной карте и гармонизированной с принципами «зелёного» роста ОЭСР.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Экологическое налогообложение как инструмент государственного регулирования устойчивого развития базируется на трёх фундаментальных теоретических концепциях [1–5] — принципе «загрязнитель платит», теории интернализации экстерналий и гипотезе двойного дивиденда — формирующих методологический каркас, определяющий цели, функции и структуру экологических налогов в современных экономиках. Принцип «загрязнитель

платит» (polluter pays principle), впервые сформулированный Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 1972 г. и закреплённый в международных документах, включая Декларацию Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию (1992) [1; 6], предполагает, что субъект, причиняющий ущерб окружающей среде, обязан нести полные издержки по его предотвращению, устранению и компенсации¹. В российском законодательстве данный принцип декларирован в статье 3 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (в ред. от 28.12.2025). Однако, как отмечают С.П. Колчин и М.Е. Косов², на практике его реализация сводится к формальному администрированию платы за негативное воздействие на окружающую среду, которая не обеспечивает реальной компенсации экологического ущерба.

Теоретической основой корректирующего налогообложения выступает концепция интернализации экстерналий, разработанная А. Пигу ещё в 1920 г. В рамках этой теории загрязнение рассматривается как классический пример негативной экстерналии — издержек, не отражённых в рыночной цене товара или услуги [2]. Пигу предложил механизм корректирующих налогов («налогов Пигу»), призванных уравнивать предельные частные издержки (МРС) с предельными общественными издержками (MSC = МРС + МЕС, где МЕС — предельные внешние издержки). Таким образом, налог перестаёт быть исключительно фискальным инструментом и превращается в рычаг коррекции рыночного равновесия в пользу экологически эффективных решений. В контексте российской действительности, как подчёркивает Л.С. Самоделко, отсутствие прямой связи между ставкой платы за НВОС и реальным ущербом делает

¹ Организация экономического сотрудничества и развития (2008), Принцип «загрязнитель платит»: определение, анализ, применение. Париж: Издательство ОЭСР. URL: <https://doi.org/10.1787/9789264044845-en> (дата обращения: 25.01.2026).

² Эриашвили Н.Д., Косов М.Е., Колчин С.П. и др. Налоговое администрирование в цифровой экономике. Москва: ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА»; 2023. 455 с.

существующую систему неэффективной с точки зрения пигуанской модели [3].

Дальнейшее развитие теория экологического налогообложения получила в рамках гипотезы двойного дивиденда (double dividend hypothesis), согласно которой экологические налоги способны одновременно снижать экологический ущерб и повышать экономическую эффективность. Первый «дивиденд» носит экологический характер (снижение выбросов, потребления ресурсов), второй — экономический (рост занятости, снижение искажающих налогов, например, на труд или капитал) [4; 5]. Именно эта идея легла в основу «зелёных» налоговых реформ в странах Европейского союза, где доходы от углеродных налогов направлялись на снижение социальных взносов и налогов на заработную плату. В России подобный подход остаётся преимущественно теоретическим, поскольку экологические платежи не связаны с перераспределением налоговой нагрузки и воспринимаются хозяйствующими субъектами исключительно как дополнительное бремя [7; 8].

Таким образом, современная теория экологического налогообложения предполагает его регуляторную, а не фискальную доминанту: налог должен стимулировать изменение поведения экономических агентов, а не просто извлекать доходы в бюджет. Однако анализ показывает, что действующая в России система экологических платежей слабо соответствует этим теоретическим предпосылкам. Современная теория предлагает комплексный подход, сочетающий компенсаторную, стимулирующую и распределительную функции, реализация которых возможна лишь при условии, что налоговая ставка отражает реальный ущерб, средства используются целевым образом, а доходы реинвестируются в снижение других налоговых обременений. Отсутствие этих элементов в российской практике обуславливает необходимость перехода от фрагментарной и формальной системы платежей к полноценному, институционализированному экологическому налогу, встроенному в структуру Налогового кодекса.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИКО- ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

С позиций институциональной экономики, существующая система экологических платежей в нашей стране представляет собой неэффективный гибрид административного регулирования и фискального

изъятия, лишенный рыночных сигналов. Как отмечают ряд авторов^{3,4}, плата за НВОС формально относится к категории корректирующих платежей, однако её конструкция противоречит базовым положениям теории интернализации экстерналий. Во-первых, ставки платы рассчитываются на основе усреднённых нормативов ущерба, не учитывающих реальные локальные экологические издержки. Во-вторых, отсутствует прямая зависимость между объёмом выбросов и предельными общественными издержками (MSC), что делает механизм нечувствительным к маргинальному ущербу, описанному в модели Пигу [2; 9].

Теоретически для достижения оптимального уровня загрязнения необходимо, чтобы предельные частные издержки (MPC) совпадали с предельными общественными (MSC = MPC + MEC). Однако в российской практике плата за НВОС не влияет на поведение эмитентов, поскольку:

- величина платежа значительно ниже реального ущерба;
- отсутствуют дифференцированные ставки по классам опасности;
- нет штрафных коэффициентов за превышение лимитов, сопоставимых с европейскими аналогами [6].

Более того, с точки зрения теории легитимности, компании воспринимают плату за НВОС не как компенсацию ущерба, а как «лицензию на загрязнение», что подрывает саму идею экологической ответственности. Это подтверждается данными Счётной палаты: в 2022 г. лишь 12% средств от платы за НВОС были направлены на природоохранные мероприятия, остальные 88% — в общий бюджет⁵.

«Параэкологические» налоги (НДПИ, водный налог, акцизы) также не выполняют стимулирующей функции. Например, НДПИ, несмотря на свою природоресурсную основу, ориентирован исключительно на максимизацию доходов, а не на стимулирование ресурсосбережения или замкнутого цикла потреб-

³ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologiko-ekonomicheskii-analiz-vliyaniya-rosta-stavok-platy-za-negativnoe-vozdeystvie-na-okruzhayushchuyu-sredu-v-2026-2030-godah-na> (дата обращения: 20.01.2026).

⁴ Эриашвили Н.Д., Косов М.Е., Колчин С.П. и др. Налоговое администрирование в цифровой экономике. Москва: ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА»; 2023. 455 с.

⁵ Счетная палата Российской Федерации. Анализ исполнения федерального бюджета в части доходов от платы за негативное воздействие на окружающую среду. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/a1c/ygyhwc502ubudozudfb6bp73i684e132.pdf?ysclid=mkeil8gok636712550> (дата обращения: 25.01.2026).

Рис. / Fig. Поступления экологического налога в федеральный бюджет Российской Федерации за период 2015–2025 гг. / Revenues from environmental tax to the Federal Budget of the Russian Federation for 2015–2025

Источник / Source: составлено авторами по данным Федеральной налоговой службы, за период 2015–2025 гг. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ / compiled by the authors based on data from the Federal Tax Service for 2015–2025. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/

ления. Таким образом, вся система экологических платежей остаётся фискально ориентированной, не обеспечивая ни экологической эффективности, ни экономической справедливости [5; 10].

Поступления от таких фискальных инструментов, как «Налоги и сборы за пользование природными ресурсами» и «Платежи за пользование природными ресурсами», традиционно рассматриваются в научной литературе в качестве ключевых компонентов экологического налогообложения в Российской Федерации. Именно эти категории платежей выделяются рядом исследователей в качестве основных форм фискального воздействия, направленного на регулирование природопользования и стимулирование экологически ответственного поведения хозяйствующих субъектов.

Анализ данных, представленных на рисунке, свидетельствует о значительном объёме поступлений от «Налогов и сборов за пользование природными ресурсами» и «Платежей за пользование природными ресурсами». Однако указанные средства аккумулируются в общий бюджет без целевой привязки к природоохранным мероприятиям. Такая практика ставит под сомнение реализацию принципа «загрязнитель платит», снижая его институциональную легитимность. В результате у хозяйствующих субъектов формируется представление о данных платежах не

как о компенсации причинённого экологического ущерба, а, скорее, как о своеобразной «лицензии на загрязнение», что противоречит основополагающим целям экологического регулирования.

МИРОВОЙ ОПЫТ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РАМКИ

Международная практика демонстрирует два доминирующих подхода к экологическому налогообложению: price-based (налоги и сборы) и quantity-based (торговля квотами). Они различаются по степени гибкости и предсказуемости результатов, хотя тот и другой опираются на экономическую теорию коррекции рыночных провалов.

Шведская модель представляет собой классический пример реализации гипотезы двойного дивиденда. Углеродный налог, введённый в 1991 г., был сопряжён с параллельным снижением налогов на труд и капитал, что позволило компенсировать возможное снижение конкурентоспособности⁶. С точки зрения теории оптимального налогообложения, такой подход минимизирует искажения в экономике, одно-

⁶ Swedish Environmental Protection Agency. Carbon Tax in Sweden: Effects and Experiences. Stockholm, 2023.

временно достигая экологических целей. Ключевым институциональным условием успеха стало наличие независимого климатического совета, обеспечивающего прозрачность и долгосрочность политики.

Норвежская модель (NO_x-налог) иллюстрирует применение принципа дифференциации по технологическим характеристикам. Предприятия, внедряющие наилучшие доступные технологии (НДТ), получают значительные льготы. Такой подход основан на теории стимулирующего регулирования, согласно которой налог должен быть не просто издержкой, а сигналом к инновациям [11; 12]. Эффект усиливается за счёт обратной связи: чем меньше удельные выбросы — тем ниже налоговая нагрузка.

Европейская таксономия (EU Taxonomy), представляющая собой институциональный каркас, позволяющий верифицировать «зелёный уровень» деятельности, сочетает в себе нормативный подход (чёткие пороговые значения) и рыночный механизм (доступ к преференциальному финансированию). По мнению Алиева А.А., именно такой синтез правового и экономического регулирования может стать основой для российской таксономии⁷.

Международный опыт свидетельствует о том, что эффективное экологическое налогообложение невозможно без прочной теоретико-институциональной основы, сочетающей рыночные стимулы, технологическую гибкость и правовую определённость. Успешные модели — будь то шведская система двойного дивиденда, голландский подход к дифференциации по уровню технологий или европейская таксономия — демонстрируют, что ключ к результативности лежит не в простом введении новых платежей, а в их интеграции в целостную систему экономического регулирования, ориентированную на устойчивое развитие.

ВЫЯВЛЕННЫЕ СИСТЕМНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анализ нормативно-правовой базы, статистических данных и экспертных оценок позволяет выделить семь следующих ключевых проблем, сдерживающих развитие эффективного экологического налогообложения в России [12–14]:

1. *Фискальная доминанта вместо стимулирующей функции.* Действующие механизмы — плата за НВОС,

утилизационный сбор, экосбор — ориентированы преимущественно на изъятие средств в бюджет, а не на изменение поведения хозяйствующих субъектов. Например, в 2022 г. поступления от платы за НВОС составили всего 32 млрд руб., что менее 0,04% ВВП⁸. При этом ставки не связаны с реальным ущербом: средняя ставка за тонну выбросов составляет порядка 50–100 руб., тогда как оценочный ущерб — от 3000 до 20000 руб. за тонну. Такой разрыв делает платеж символическим и не создаёт экономического стимула к снижению загрязнения.

2. *Отсутствие целевого использования средств.* Как отмечалось ранее, средства от экологических платежей поступают в общий бюджет без привязки к природоохранным мероприятиям. Такая практика ставит под сомнение реализацию принципа «загрязнитель платит», снижая его институциональную легитимность. В результате у хозяйствующих субъектов формируется представление о данных платежах не как о компенсации причинённого экологического ущерба, а, скорее, как о своеобразной «лицензии на загрязнение», что противоречит основополагающим целям экологического регулирования.

3. *Фрагментарность и дублирование инструментов.* В Российской Федерации одновременно действуют плата за НВОС, экосбор, утилизационный сбор, а также «параэкологические» налоги (НДПИ, водный налог, акцизы). Эти механизмы имеют разную правовую природу, администрируются разными ведомствами (Росприроднадзор, ФНС, Минпромторг), используют несопоставимые методики расчёта и не образуют единой системы. Это порождает административную нагрузку, правовую неопределённость и снижает эффективность регулирования.

4. *Ограниченный охват источников загрязнения.* Плата за НВОС распространяется только на стационарные источники, тогда как передвижные (автотранспорт, сельхозтехника) остаются вне системы. Между тем, по данным Росгидромета, автотранспорт даёт до 70% выбросов в крупных городах⁹. Отсутствие учёта этого сектора делает систему неадекватной реальному распределению экологической нагрузки.

⁸ Министерство финансов Российской Федерации. Отчёт о выполнении параметров бюджета за 2022 год. URL: <https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/> (дата обращения: 25.01.2026).

⁹ Состояние и загрязнение окружающей среды в Российской Федерации за 2024 год. Межведомственная океанологическая комиссия. URL: <https://www.meteorf.gov.ru/upload/iblock/> (дата обращения: 02.02.2026).

⁷ EU Green Taxonomy Explained. The Corporate Governance Institute. URL: <https://www.thecorporategovernanceinstitute.com/insights/guides/eu-green-taxonomy-explained/> (дата обращения: 15.01.2026).

5. *Слабое взаимодействие между уровнями власти.* Экологическое регулирование требует координации между федеральными, региональными и муниципальными органами. Однако в настоящее время отсутствуют единые методологии расчёта ущерба, мониторинга выбросов и распределения средств. Регионы не имеют достаточных полномочий для установления дифференцированных ставок, учитывающих локальную экологическую ситуацию.

6. *Отсутствие национальной таксономии «зелёных» проектов.* Без чётких критериев того, какие виды деятельности считаются экологически устойчивыми, невозможно связать налоговые преференции с реальными результатами. Это создаёт риски «зелёного камуфляжа» и снижает доверие инвесторов. В то время как ЕС уже внедрил EU Taxonomy, Россия лишь начинает разработку собственной классификации.

7. *Недостаточная интеграция в международные климатические инициативы.* Отсутствие прозрачной системы учёта выбросов, верификации данных и ESG-отчётности делает Россию уязвимой перед новыми торговыми барьерами, такими как СВМ ЕС. Без адаптации к международным стандартам российские экспортёры могут столкнуться с дополнительными пошлинами уже с 2026 г.

Решение перечисленных выше проблем необходимо не только для повышения экологической эффективности, но и для обеспечения конкурентоспособности российской экономики в условиях глобальной «зелёной» трансформации.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО РЕФОРМИРОВАНИЮ СИСТЕМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

Реформа экологического налогообложения в Российской Федерации должна быть не абстрактной «зелёной» трансформацией, а практико-ориентированной политикой, направленной на устранение конкретных институциональных, фискальных и административных барьеров. На основе выявленных проблем (фискальная доминанта, отсутствие целевого использования средств, фрагментарность инструментов, ограниченный охват источников загрязнения, слабая межуровневая координация, отсутствие национальной таксономии и изоляция от международных климатических механизмов) предлагается следующий комплекс мер:

– Замена платы за НВОС полноценным экологическим налогом с федеральным статусом, что позволит устранить фрагментарность и повысить прозрачность. Налог должен:

- рассчитываться на основе реального ущерба, а не усреднённых нормативов;

- включать повышающие коэффициенты за превышение лимитов и понижающие — за внедрение НДТ;

- распространяться не только на стационарные, но и на передвижные источники загрязнения (автотранспорт, сельхозтехника), что решит проблему неполного охвата.

– Создание целевых экологических фондов с механизмом «окрашивания» средств. Средства от экологического налога должны направляться исключительно на:

- рекультивацию территорий;

- мониторинг качества воздуха и воды;

- субсидирование проектов по замкнутому циклу потребления и утилизации отходов. Это повысит легитимность налога в глазах бизнеса и населения и устранил проблему нецелевого использования средств, выявленную Счётной палатой.

– Разработка и утверждение национальной таксономии «зелёных» проектов. Без чётких критериев невозможно связать налоговые преференции с реальными результатами. Таксономия должна:

- опираться на российские природно-климатические условия (например, особый акцент на вечную мерзлоту, лесные пожары, водный стресс);

- учитывать технологический суверенитет и импортозамещение;

- быть совместимой с принципами ЕАЭС и БРИКС для будущей интеграции.

– Введение налоговых преференций за достижение измеримых экологических результатов. Необходимо закрепить в Налоговом кодексе Российской Федерации:

- ускоренную амортизацию оборудования для улавливания выбросов, переработки отходов, энергосбережения;

- налоговые вычеты при снижении удельных выбросов на 30% и более;

- освобождение от уплаты экологического налога при переходе на «зелёные» технологии, верифицированные через национальную систему. Это напрямую решит проблему отсутствия стимулов для бизнеса, особенно в условиях санкционного давления, когда компании нуждаются в поддержке, а не в новых обязательствах.

– Интеграция в международные климатические инициативы через «дружественные» платформы. Учитывая геополитическую изоляцию, Россия должна:

- развивать собственную систему учёта и верификации выбросов, ориентированную на внутренние нужды и сотрудничество с ЕАЭС, БРИКС, ШОС;
- участвовать в Международном партнёрстве по достижению углеродной нейтральности (IPAC) ОЭСР в качестве наблюдателя;
- подготовиться к возможному введению аналога СВАМ на уровне ЕАЭС или двусторонних соглашений с Китаем и Индией.

Это позволит избежать торговых барьеров и сохранить экспортный потенциал, особенно в нефтегазовом и металлургическом секторах.

Для реализации предлагаемых мер авторами разработана Дорожная карта реформирования экологического налогообложения в РФ на 2026–2028 гг. Это стратегический инструмент поэтапного перехода от фискально ориентированной системы платежей к комплексному механизму «зелёного» регулирования, обеспечивающему фискальную устойчивость, стимулирующий потенциал и технологический суверенитет (таблица).

Необходимость разработки карты обусловлена системными проблемами текущей модели: доминированием фискальной функции платы за НВОС при слабом стимулирующем эффекте, отсутствием целевого использования средств, фрагментарностью законодательства, ограниченным охватом источников загрязнения, низкой межведомственной координацией, отсутствием национальной таксономии «зелёных» проектов и растущей международной климатической изоляцией.

Реализация дорожной карты предусматривает комплексное решение ключевых задач реформирования экологического регулирования. Оно включает институционализацию экологического налога в Налоговый кодекс Российской Федерации с прогрессивной, дифференцированной по классам опасности шкалой и механизмом региональной адаптации, а также формирование целевых экологических фондов с принципом бюджетной «окраски» для прямого финансирования рекультивации и внедрения наилучших доступных технологий. Важным элементом станет утверждение национальной таксономии «зелёных» проектов, учитывающей климатическую специфику России и гармонизированной со стандартами ЕАЭС и БРИКС. Данная система дополняется налоговыми преференциями за достижение верифицируемых экологических результатов (включая снижение выбросов и переход к циркулярной экономике) и развитием суверенной цифровой инфраструктуры для независимой ESG-верификации на базе ИИ и Big Data.

В совокупности эти меры обеспечат превентивную адаптацию отечественной экономики к потенциальному введению аналогов механизмов трансграничного углеродного регулирования (СВАМ) со стороны партнёров по ЕАЭС, Китая и Индии.

Ключевые преимущества реализации дорожной карты носят как экономический, так и экологический характер. С фискальной точки зрения ожидается повышение собираемости экологического налога до 0,4–0,5% ВВП к 2028 г. за счёт усиления администрирования и применения механизмов налоговой ответственности. С инновационной стороны — стимулирование инвестиций в отечественные НДТ через налоговые льготы, ускоренную амортизацию и господдержку, что укрепит технологический суверенитет. С институциональной — рост инвестиционной привлекательности регионов благодаря повышению прозрачности расходов и формированию высоких ESG-рейтингов. С экологической — снижение совокупного ущерба окружающей среде: целевые показатели предусматривают сокращение выбросов на 10% и увеличение инвестиций в НДТ на 20% к концу 2028 г.

Предложенная дорожная карта на 2026–2028 гг. выходит за рамки чисто административного плана и представляет собой стратегию трансформации экологического налогообложения из формального обязательства в действенный рычаг устойчивого развития. Она обеспечивает баланс между национальными интересами — технологическим суверенитетом, бюджетной устойчивостью и импортозамещением — и глобальными вызовами, связанными с декарбонизацией мировой экономики. Реализация данного подхода позволит России не только сохранить конкурентоспособность на международных рынках, но и укрепить внутреннюю экономическую устойчивость, экологическую безопасность и качество жизни граждан.

ВЫВОДЫ

Результаты исследования показали: экологическое налогообложение в Российской Федерации находится на этапе трансформации от фискально ориентированного механизма к инструменту устойчивого развития. Действующая система экологических платежей и сборов в значительной степени утратила стимулирующий и компенсационный потенциал, выполняя преимущественно бюджетную функцию. Средства от экологических платежей не имеют целевого назначения, ставки не отражают реального ущерба, а администрирование фрагментировано

Дорожная карта реформирования экологического налогообложения в Российской Федерации на 2026–2028 гг. / Roadmap for reforming environmental taxation in the Russian Federation for 2026–2028

Этап / Stage	Год / Year	Ключевые мероприятия / Key events	Ответственные органы / Responsible authorities	Целевые индикаторы / Target indicators
I. Институциональное оформление / Institutional design	2026	– разработка проекта Федерального закона «Об экологическом налоге»; – формирование рабочей группы при Минфине и Минприроды; – принятие Федерального закона «Об экологическом налоге»; – утверждение национальной таксономии «зелёных» проектов; – создание методологии расчёта регионального экологического ущерба; – запуск пилотных проектов в регионах	Минфин, Минприроды, Минэкономразвития, Росстат, субъекты Российской Федерации	– закон принят; – таксономия утверждена; – пилоты запущены; – методология разработана
II. Практическая реализация / Practical implementation	2027	– полный переход с платы за НВОС на экологический налог; – учреждение Федерального и региональных экологических фондов; – внедрение обязательной ESG-отчётности для крупных предприятий и регулируемых организаций	Минфин, ФНС, ЦБ Российской Федерации, Росприроднадзор, субъекты Российской Федерации	– экологический налог введён; – фонды созданы; – 100% крупных компаний публикуют esg-отчётность; – передвижные источники охвачены
III. Интеграция и масштабирование / Integration and scaling	2028	– распространение механизма на малый и средний бизнес; – оценка эффективности реформы по критериям: снижение эмиссий, рост инвестиций в НДТ, фискальная собираемость; – адаптация к международным стандартам (IPAC, TCFD)	Минэкономразвития, Минвнешторг, Минпромторг, Банк России	– снижение выбросов на 10% к 2028 г.; – рост инвестиций в НДТ на 20%; – собираемость экологического налога — не менее 0,4% ВВП

Источник / Source: разработано авторами / developed by the authors.

между различными ведомствами, что снижает эффективность регулирования.

Выявленные системные проблемы — фискальная доминанта, отсутствие «окрашивания» средств, неполный охват источников загрязнения (включая передвижные), слабая межуровневая координация, отсутствие национальной таксономии «зелёных» проектов и изоляция от международных климатических инициатив — требуют комплексного, но прагматичного ответа, учитывающего как глобальные тренды, так и российскую специфику в условиях санкционного давления и технологического суверенитета.

Предлагаемая дорожная карта на 2026–2028 гг. предусматривает поэтапный переход к полноценному экологическому налогу, включению его в Налоговый кодекс Российской Федерации, созданию целевых экологических фондов по аналогии с дорожными, внедрению налоговых преференций за внедрение

наилучших доступных технологий и снижение выбросов, а также разработке национальной таксономии, совместимой с платформами ЕАЭС, БРИКС и ШОС. Такой подход позволит не только повысить экологическую ответственность бизнеса, но и снизить риски внешнеторговых барьеров (включая СВМ ЕС), укрепить инвестиционную привлекательность «зелёных» проектов и обеспечить долгосрочную конкурентоспособность российской экономики.

Экологическое налогообложение должно перестать быть формальным обязательством и стать стратегическим рычагом «зелёной» трансформации, сочетающим фискальную дисциплину, экономическую стимуляцию и экологическую справедливость. Только при условии системного правового, институционального и методологического сопровождения оно сможет выполнить свою двойную роль — источника устойчивых доходов бюджета и катализатора низкоуглеродного и ресурсосберегающего развития.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The paper was prepared on the research results carried out at the expense of budgetary funds within the framework of the state research assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation. Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Филогин А.Г. Становление экологического налогообложения: принципы и подходы. *Актуальные проблемы российского права*. 2025;20(2):20-26. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.020-026
2. Pigou A. C. *The Economics of Welfare*. L.: Macmillan; 1920. 520 p.
3. Самоделко Л.С. Перспективы использования экологического налогообложения в налоговой системе Российской Федерации. Дис. ... канд. экон. наук. Москва.: Государственный университет управления; 2020. 185 с.
4. Goulder L.H. Environmental taxation and the “double dividend”: A reader’s guide. *International Tax and Public Finance*. 1995;2(2):157-183.
5. Костылева В.И. Двойной дивиденд в решении проблемы внешних эффектов. *Современная экономика: проблемы и решения*. 2020;9(129):114-118. DOI: 10.17308/meps.2020.9/2434
6. Палкина Д.С. Экологическое налогообложение в России: проблемы реализации. *Общество, экономика, управление*. 2023;8(3):36-43. DOI: 10.47475/2618-9852-2023-8-3-36-43
7. Новоселова И.Ю., Новоселов А.Л. Моделирование региональной торговли квотами на загрязнение окружающей среды. *Экономика. Налоги. Право*. 2022;15(4):96-106. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-4-96-106
8. Сидорова Е.Ю. Зеленые тренды в налоговой политике развитых стран. *Экономика. Налоги. Право*. 2023;16(3):120-127. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-3-120-127
9. Камалетдинов А.Ш., Ксенофонтов А.А. Оценка межрегионального неравенства налоговых поступлений. *Финансы: теория и практика*. 2023;27(1):63-75. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-1-63-75
10. Какаулина М.О., Демидова С.Е. Сравнение моделей цикличности фискальной политики в зарубежных странах. *Финансы: теория и практика*. 2025;29(2):228-237. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-2-228-237
11. Рубан-Лазарева Н.В. Налоговые риски в контексте достижения национальных целей развития России на 2024 год. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(1):145-157. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-145-157
12. Юмаев М.М. Налоговая политика в отношении нефтегазового сектора Российской Федерации в условиях структурных изменений мировой экономики. *Экономика. Налоги. Право*. 2023;16(1):152-162. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-1-152-162
13. Ратнер С.В. Механизмы налогового стимулирования развития «зеленых» транспортных систем: опыт Норвегии. *Финансы и кредит*. 2018;24(4):767-783. DOI: 10.24891/fc.24.4.767
14. Головнева М.С., Оздоев М.Д. Эколого-экономический анализ влияния роста ставок платы за негативное воздействие на окружающую среду в 2026-2030 годах на предприятия нефтегазовой отрасли Российской Федерации. *Вестник науки*. 2025;93(12).

REFERENCES

1. Filogin A. G. Formation of environmental taxation: Principles and approaches. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2025;20(2):20-26. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.020-026
2. Pigou A. C. *The Economics of Welfare*. L.: Macmillan; 1920. 520 p.
3. Samodelko L. S. Prospects for the use of environmental taxation in the tax system of the Russian Federation. Diss. ... Cand. Sci. (Econ.). M.: State University of Management; 2020. 185 p. (In Russ.).
4. Goulder L.H. Environmental taxation and the “double dividend”: A reader’s guide. *International Tax and Public Finance*. 1995;2(2):157-183.

5. Kostyleva V.I. Double dividend in solving the problem of externalities. *Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya* = *Modern Economics: Problems and Solutions*. 2020;9(129):114-118. (In Russ.). DOI: 10.17308/meps.2020.9/2434
6. Palkina D.S. Ecological taxation in Russia: Problems of implementation. *Obshchestvo, ekonomika, upravlenie* = *Society, Economy, Management*. 2023;8(3):36-43. (In Russ.). DOI: 10.47475/2618-9852-2023-8-3-36-43
7. Novoselova I.Yu., Novoselov A.L. Modeling of regional trade in environmental pollution quotas. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* = *Economics, taxes & law*. 2022;15(4):96-106. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-4-96-106
8. Sidorova E. Yu. Green trends in the tax policy of developed countries. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* = *Economics, taxes & law*. 2023;16(3):120-127. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-3-120-127
9. Kamaletdinov A.Sh., Ksenofontov A.A. Assessment of interregional inequality of tax revenues. *Finance: Theory and Practice*. 2023;27(1):63-75. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-1-63-75
10. Kakaulina M.O., Demidova S.E. Comparison of fiscal policy cyclicity models in foreign countries. *Finance: Theory and Practice*. 2025;29(2):228-237. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-2-228-237
11. Ruban-Lazareva N.V. Tax risks in the context of achieving Russia's national development goals for 2024. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* = *Economics, taxes & law*. 2024;17(1):145-157. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-145-157
12. Yumaev M.M. Tax policy in the oil and gas sector of the Russian Federation in the context of structural changes in the world economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* = *Economics, taxes & law*. 2023;16(1):152-162. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-1-152-162
13. Ratner S.V. Mechanisms of tax incentives for the development of "green" transport systems: The Norwegian experience. *Finansy i kredit* = *Finance and Credit*. 2018;24(4):767-783. (In Russ.). DOI: 10.24891/fc.24.4.767
14. Golovneva M.S., Ozdov M.D. Ecological and economic analysis of the impact of the increase in payment rates for negative environmental impact in 2026-2030 on the enterprises of the oil and gas industry in the Russian Federation. *Vestnik Nauki*. 2025;93(12):1072-1090. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Михаил Евгеньевич Косов — кандидат экономических наук, доцент кафедры общественных финансов, ведущий научный сотрудник Института исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
Mikhail E. Kosov — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. of the Department of Public Finance, Leader Research Assoc., Institute for Research on Socio-Economic Transformations and Financial Policy, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-1067-0935>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
mekosov@fa.ru

Алексей Александрович Рябченко — кандидат экономических наук, доцент кафедры государственных и муниципальных финансов факультета Высшая школа финансов, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Alexey A. Ryabchenko — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. of the Department of State and Municipal Finance, Faculty of Higher School of Finance, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-8918-2765>
ya.ya.ya.pas@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.02.2026; принята к публикации 01.07.2026.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received 20.02.2026; accepted for publication 01.07.2026.
The authors read and approved the final version of the manuscript.